

Российская академия наук
Институт психологии

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Часть 2

Новые научные направления

Под редакцией

Ю. В. Ковалевой, Т. А. Нестика

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

- Фоломеева Т. В. Использование проективных методик для повышения эффективности фокус-групп // Социология. 4М. 2003. № 17. С. 83–108.
- Boddy С. A projective technique to help understand the non-rational aspects of withdrawal and undergraduate attrition // The Journal of the Education Research Group of Adelaide. 2010. V. 1. № 3. February. P. 11–20.
- Brantwhite A., Cooler P. A new role for projective techniques // Worldwide Qualitative Research Conference and Exhibition 2001. Vardarst, 2001. P. 237–261.
- Moliner P. Psychologie sociale de l'image. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2016.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. Д. Журавлев, Ю. В. Ковалева

Современные исследования, в которых психологи обращаются к явлениям, связанным с процессами *глобализации* (Нестик, 2017; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; Фундаментальные и прикладные исследования..., 2017; и др.), позволяют говорить о *становой глобальной психологии* и поднимать вопрос о процессе ее формирования на современном этапе и в исторической ретроспективе и перспективе с учетом международного опыта развития (Журавлев и др., 2018).

В связи с этим представляется актуальным анализ трактовок *глобальной психологии*, встречающихся на данный период в публикациях и дискуссионных исследованиях. Те ее признаки, на которых делается акцент, в своей совокупности, а также сходство и различия в научных позициях в целом дают представление о современном понимании этого научного направления. По нашему мнению, для решения этой задачи необходимо обратиться к основным положениям глобалистики, чтобы, опираясь на опыт более общей и более оформленной научной дисциплины, можно было провести анализ современного состояния *глобальной психологии*.

Глобалистика: основные понятия, предмет и проблемы исследований

Потребность в осмыслении современного состояния и перспектив исследований, выходящих в русле *глобальной психологии*, согласуется с задачами, которые ставятся и решаются внутри самой *глобалистики*, — отрасли знания, направленной на изучение глобальных феноменов и их природ, которая в своем становлении как научной дисциплины изначально сталкивалась с необходимостью ответа на упрощенное и одностороннее понимание изучаемых ею объ-

ектов. *Глобалистика* испытывала потребность как в упорядочении уже существующего знания о них, так и в их дальнейшей глубокой научной проработке с привлечением данных, полученных в других науках (Чешков, 2004).

Выделим лишь несколько проблем, с которыми сталкивались исследователи при формировании *глобалистики* как «специфической структурной единицы научного знания» (Чешков, 2004, с. 181): это ее понимание как *неолиберальной стратегии*, проявляющейся в процессе «вестернизации» и экспансии массовой культуры (здесь глобалистика предстает как идеологема, негативно оценивающая феномены глобализации, в связи с чем формируется антиглобалистское сознание, демонизирующее процессы глобализации и затрудняющее изучение ее феноменов); недостаточное предметно-проблемное размежевание с другими исследованиями *общемировых проблем* (глобалистика на самом деле является лишь одной из частей в общем комплексе знаний о мировых и глобальных феноменах); разорванность *дискурса разных этапов* развития самой отрасли (так, в 70-е годы XX в. преимущественно изучались глобальные проблемы; в 1980-е — экономическая взаимосвязанность мира; в 1990-е — культурное разнообразие глобализирующегося мира); многозначность терминов *глобальность* и *глобализация*, которая ведет к ее пониманию как «*науки обо всем*», и др. (Чешков, 2004, с. 182). Схожие размышления о направлениях и этапах развития, а также проблемах описания и будущих исследованиях можно видеть и при анализе состояния глобальной *психологии* (Журавлев и др., 2018).

Тем не менее *глобалистике* к настоящему времени удалось преодолеть некоторые трудности и выйти на относительно обособленное и формулировке собственной предметной области, а также предложить ряд принципов, которые могут выполнять методологические функции по отношению к дисциплинам, изучающим глобальную проблематику, и в нашем случае быть полезными для развития *глобальной психологии*. Важно отметить, что сама *глобалистика* определяется специалистами и «как отдельная наука, и как множество наук», обращающихся в своих исследованиях к глобальным проблемам и образующих «многодисциплинарный конгломерат», опирающийся на выработанные ею понятийно-категориальные схемы и основные базовые определения (Чешков, 2004, с. 187).

Для обоснования наших представлений необходимо привести основные принципы и понятия глобалистики. Так, базовое по-

нятие *глобальность* раскрывается через ряд идей, принципов и категорий, образующих целостную систему, строящуюся на основе философских, общеметодологических и частнонаучных знаний. *Глобальность* как базовое понятие глобалистики отражает работу *двух механизмов эволюции человечества* — 1) *соединяющего* его компоненты (в том числе человека) и *вырабатывающего* их всеобщие свойства и 2) *разделяющего* его компоненты и *формирующего* свойства особенные, единичные.

Важно выделить *основные идеи*, связанные с *глобальностью*, — это *идеи общеня* (как витальной коммуникативной природы человека); *нераздельности* и *неслиянности* (проявляющиеся в таких методологических основаниях, как единство природного, социального и психического); *архетипа глобальности* (раскрывающего понятие *глобальности* как имманентного свойства человека и человеческих общностей, содержанием которого выступает всеобщая связь необходимостей в их всеобщих и особенных качествах). Не отвечая на все актуальные вопросы теории, эти идеи, методологические принципы и понятия тем не менее позволили сформулировать предмет глобалистики, в качестве которого названо *единство механизмов соединения и разделения, общности и различия* (Чешков, 2004, с. 186–187).

Основные вопросы, на которые должны отвечать исследования в области *глобалистики* (по-видимому, и других дисциплин комплекс наук в этой области. в том числе *глобальной психологии*), — каким образом «возрастающая гомогенизация (всеобщность) сопровождается ростом гетерогенности (различиями, разделениями) ... Обेरоны глобализации в их единстве порождены общими причинами, которые должны вписаться в контекст, выраженный в различных понятиях — пивилизации, инфоформационно-технологической революции, глобальных антропологических кризисов». Также при анализе глобальных феноменов важно ориентироваться на проблемный вопрос: чем глобальные отношения отличаются от иных отношений целого? (Чешков, 2005, с. 172).

Таким образом, можно формулировать актуальность и задачи настоящей работы как *анализ и систематизацию* существующих на данный период *подходов к пониманию глобальной психологии* на основании названных выше общих понятий с целью обозначения *проблемных*, а также *не решенных* в настоящее время проблем. Рассмотрим несколько вариантов понимания *глобальной психологии*.

Первый вариант

Первое и непротиворечивое понимание *глобальной психологии* связано с формированием *глобального мирового субъекта исследователеской деятельности*. По сути, речь в этом случае идет о процессе *глобализации научного сообщества*, который в первую очередь связывают с возникновением глобальных мегапроектов. Например, в психологии и смежных науках на данный момент одним из наиболее известных и амбициозных является междисциплинарный проект «Human Brain Project» (НВР), начавшийся в Швейцарии в 2013 г. под эгидой Европейской комиссии, в центре которого стоит вопрос изучения головного мозга человека и создания его компьютерной модели. Проект стоит 1,1 миллиарда евро, в нем участвуют 112 партнерских организаций и фирм из 24 стран, в основном из Европы, но также из Канады, Китая, Израиля, Японии и США.

Однако *глобализация научного сообщества* проявляется не только в отдельных крупных научных объединениях, а, прежде всего, в ряде возможностей и условий, поддерживаясь которых, каждый ученый может включиться в научную сеть, позволяющую обмениваться собственными данными и знакомиться с результатами других специалистов. Такую сеть обеспечивают международные журналы и обязательные стандарты публикаций, с одной стороны, унифицирующие представление результатов и, соответственно, их понимание, а с другой — высокий уровень этих стандартов выполняет роль «сита», допускающего в сообщество исследователей только определенного научного уровня. Анализ публикационной активности применяется для межстранового сравнения научных систем и оценки расстановки сил в глобальном научном сообществе. Например, уровень интеграции исследователей в мировое научное сообщество измеряется через число публикаций в соавторстве с зарубежными исследователями. Так, об интеграции российских психологов в глобальную мировую науку в 2010 г. можно было судить по следующим показателям: удельный вес российских публикаций в области психологии в общем мировом числе публикаций составил 0,3%; удельный вес ссылок на российские работы в области психологии в общем мировом числе ссылок составил 0,1%; российские публикации в области психологии, написанные в международном соавторстве, составили 0,3% от общего числа публикаций отрасли (Кокемир, 2012). Одной из распространяемых версий такого положения российских исследователей

в международных журналах является языковой барьер, поскольку язык публикаций в подавляющем числе журналов является английским (Балышев, Коннов, 2016). Однако в том же 2010 г. лидерами публикационной активности стали страны БРИК (но не Россия), а также ученые из таких неанглоязычных стран, как Южная Корея, Тайвань и Турция, потеснившие североамериканских, западноевропейских и японских исследователей (Кокемир, 2012, с. 56). По-видимому, анализ причин такого положения дел должен быть продолжен.

Принятым объяснением формирования *глобального сообщества*, как и других *глобальных феноменов*, является появление новых коммуникационных возможностей в связи с распространением сети Интернет, которые обеспечивают быстрое и эффективное международное научное взаимодействие. Такое объяснение, несомненно, выглядит обоснованным, однако не является достаточным, поскольку не может объяснить *тенденции дифференциации*, существующие одновременно с интеграционными, которые вместе характеризуют процесс глобализации во всей его полноте, а научное сообщество в этом случае предстает целостным, а не фрагментированным.

К подобным тенденциям относят противоречия, возникающие в связи с наличием исследователей, ориентированных на расширение своих возможностей за счет внутренних, государственных ресурсов, и той частью научного сообщества, которая рассматривает в качестве приоритета связи с университетами «мирового уровня», транснациональными корпорациями и национальными организациями, финансирующими исследования. В качестве ключевых для этого процесса рассматривается, например, ряд таких моментов, как возникновение относительно четкого разделения между фундаментальной и прикладной наукой в последние годы; взрывной рост университетских исследований и в высшем образовании в 1950—1960-х годах; реформы в области регулирования университетской интеллектуальной собственности и финансирования университетов в 1980-х годах, когда они получили право присваивать результаты своей научной деятельности (американский закон Бей-Дула, 1980 г.). Однако эти процессы привели к селекциям как самих университетов, так и отдельных специалистов, среди которых появились выигравшие и проигравшие. Первыми оказались те, чей научный результат находится близко к области технологий и легко фиксируется в качестве интеллектуальной собственности. При этом

речь идет об ученых, которые работают в секторе фундаментальной науки, функционирующей преимущественно в университетах, а не в прикладных исследовательских институтах, связанных обязательствами перед своими учредителями — государством или корпорациями. Пройтись от новой ситуации чувствуется тем острее, чем более сильной является научная традиция страны, в которой они расположены, и для тех специальностей, которые не связаны с новой глобальной экономикой (Балышев, Коннов, 2016). Представляется, что эти явления могут также выступать одними из причин, лежащих и в основе неудач публичационной активности российских психологов на мировом уровне.

Таким образом, можно предположить, что понимание *глобальной психологии*, связанное с формированием *глобального мирового субъекта исследования* *деятельности*, не только не является исчерпывающим, но и противоречит некоторым методологическим основаниям глобалистики. Глобальная психология, опирающаяся только на специалистов, занимающихся исследованиями, имеющими высокую рыночную ценность, исключает из своего поля другие значимые и перспективные направления. Опозиция, помимо научной традиции, которая называется в связи с такими явлениями, — это *культурная специфика* страны, к которой принадлежат исследователи, не вписавшиеся в глобальное научное пространство (Журавлев и др., 2018, с. 58). Однако более точным противопоставлением в соответствии с приведенными рассуждениями видится вариант *глобальной* — «рыночной» и «нерыночной» — психологии, где термин «рыночная» не является идеологемой, а подчеркивает возможность быстрого внедрения и коммерциализации научного результата.

Второй вариант

Второе, причем более раннее, понимание *глобальной психологии* связано с поиском *универсальных* психических процессов, свойств, состояний человека и других субъектов, которые независимы от социокультурных контекстов. При таком понимании глобальная психология становится таковой при исследовании психологии, характерной для человечества в целом.

Представление о наличии *подобных универсальных* явлений следует считать непригодности западных теорий для объяснения психических явлений, характерных для жителей других регионов мира, вследствие

чего получили свое развитие так называемые *туземные*, или, в соответствии с другими источниками, *альтернативные* психологии, которые намеревались за счет сравнительных исследований выявить основы *человеческой* психики во всех ее культурных вариантах. Однако, несмотря на то, что этим научным течениям удалось накопить большой массив данных об отличиях психологических характеристик многих групп населения азиатских и африканских стран, в них парадоксально стали доминировать представления об общечеловеческой психологии, в которой снята культурная специфичность (Towards to Global..., 2007; Журавлев и др., 2018, с. 58–59).

На первый взгляд, поиск *универсальных оснований* психики жителей разных регионов мира согласуется с предметом исследования *глобалистики* — *архетипом глобальности* как универсальной характеристикой развития человека и обществ. Однако содержанием понятия *глобальности* и ее *архетипа* выступают не только *всеобщие* свойства, которые позволяют различным компонентам человечества создавать те или иные объединения, но и *особенные, единичные, уникальные* для того или иного региона, общества или исторического этапа. Таким образом, второй вариант понимания *глобальной психологии* в ее стремлении к изучению универсалий также нельзя считать правоммерным, поскольку при таком понимании ее цели не соответствуют методологическим принципам глобалистики. Можно предположить, что если бы предметом изучения этих научных течений стали психологические характеристики человека, малых групп и других более крупных общностей, которые позволяют им, оставаясь уникальными, быть интегрированными тем или иным образом, то это в большей степени приблизило бы такие научные представления к тому, чтобы войти в конгломерат наук, решающих проблемы глобализации.

Третий вариант

Третье понимание *глобальной психологии* связано с исследованиями динамики многообразных психологических характеристик под влиянием глобализирующихся составляющих современного образа жизни людей в разных регионах мира, например под влиянием современных технологий. Такое понимание характерно для некоторых отечественных исследований (подробнее см., напр.: Психологические исследования глобальных..., 2018).

Так, показано, что в оценках будущего *Интернета* большинство респондентов считает наиболее вероятными те сценарии его развития, которые сопряжены с различными негативными последствиями. Такие оценки в два раза более распространены, чем позитивные. Наибольшее число ответов представлены категориями «сокращение *жизнью межличностного общения*», а также «*деградация личности и общественная*», а ключевым фактором принятия новых технологий является не интенсификация их использования, а вовлеченность личности в коммуникацию с другими пользователями, в ходе которой решаются проблемы и происходит обмен пользовательским опытом (Нестик, Солдатова, 2017).

Также показано, что современные технологии в период трансформации социальных ценностей и появления новых стереотипов мужского и женского поведения, характерных для интеграционных процессов глобализации, происходит активный обмен культурными кодами взаимодействующих социумов, ведущий к кризису гендерной идентичности (Тулайбаева, 2017, с. 357).

Обсуждается формирование так называемой *глобальной идентичности* или отождествления личностью себя со всем человечеством. Показано, что *демержинантами* глобальной идентичности являются интенсификация международных контактов, гражданская и религиозная идентификация, озабоченность глобальными рисками, уровень социального доверия, характеристики временной перспективы, убеждение в способности личности влиять на свое будущее. Также выявлена связь глобальной идентичности с позитивной этнической идентичностью, тогда как связи с этнонигилизмом и этноиндифферентностью отсутствуют (Нестик, 2017). Интересно последнее утверждение, что *глобальная идентичность* связана с позитивной *этнической идентичностью*. Это может означать, что интеграционным процессам сопутствуют процессы дифференциации, т. е. «*глобальная личность*» — это личность одновременно, а может быть, и в первую очередь *национальная*.

Таким образом, человек на современном этапе исследования связью его характеристик с феноменами глобализации рассматривается как одно из *следствий* глобализации, т. е. «*глобализированная личность*» сама является одним из таких феноменов.

Архетип глобальности, о котором говорились выше, «раскрывает глобальность как имманентное качество (свойство) человека. Иными словами, глобальность присуща любому человеку или любой его

совокупности» (Чешков, 2005б, с. 197). На каждом этапе развития человечества эта глобальность принимает конкретные исторические формы. Так, в процессе своей эволюции, истоки которой восходят, возможно, к эпохе неолита, глобальная общность «сменила» несколько исторических типов, переходя последовательно от конгломерата множества локальных типов к единому — индустриально-модернистскому, приближаясь во второй половине XX в. к новому, условно говоря, информационно-глобалистскому типу (Чешков, 2005б, с. 35–36).

Таким образом, описание личности в связи с феноменами глобализации должно строиться с учетом того, какой исторический тип глобальности доминирует на этапе описания. По всей видимости, когда сейчас говорится о «*глобализированной личности*» и об изменениях, которые происходят с ней, речь идет о личности в условиях *глобализации информационного типа*. В любом случае поиск ответов должен строиться по двум направлениям — что характерно для человека при таком типе глобализации, что актуализируется в нем всеобщего, поддерживающего конвергенцию, интеграцию, прежде всего с другими людьми, а также сообществами, интеграцией, социальными институтами, а что разделяет, обособляет или даже разрушает подобные связи.

Представляется, что такое понимание глобальной психологии в целом или как одной из ее составляющих является довольно перспективным, поскольку в работах по глобалистике подчеркивается ее слабая связь с человекознанием (Чешков, 2005б, с. 42), а следовательно, исследования психологических характеристик человека в условиях глобализации могут стать частью междисциплинарного корпуса наук, посвященных глобальным проблемам.

Четвертый вариант

Четвертый вариант понимания *глобальной психологии* связан с ее трактовкой как научного направления, предметом изучения которого выступают глобальные явления (свойства, процессы, состояния), релевантные социально-психологическим объектам глобального масштаба, в пределе — человечества в целом. Таким образом, происходит переход исследований на объект принципиально нового масштаба (уровня), который является носителем новых свойств, характерных для него процессов и типичных состояний.

У психологии, на наш взгляд, накоплено достаточно опыта для продвижения в направлении такого понимания глобальной психологии. Прежде всего, имеются в виду работы в области макропсихологии, изучения макропсихологических феноменов, релевантных обществу в целом, крупным регионам проживания, большим социальным группам, а также в политической психологии, например психологии геополитических отношений и др. (Емельянова, 2016; Журавлев, 2007; Ковалева, 2018; Макропсихология... 2009; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Соснин, Ковалева, 2017; и др.).

Представляется также, что так понимаемая глобальная психология могла бы развиваться совместно с рассмотренным выше вариантом, в котором объектом изучения является *человек в условиях глобализации*. Это согласуется с пониманием основной проблемы, которая предлагается в глобалистике: предельной проблемой глобалистики является «проблема баганса... двух механизмов¹, а точнее — поиск их оптимального — в интересах человечества, его совокупностей и индивидов — сочестания» (Чешков, 2004, с. 187). Однако необходимо не забывать о «подводных камнях», которые тянутся при слишком широком понимании глобализации, как имеющей отношение ко всему и существующей во всем и везде, поглощающей все феномены общечеловеческого и мирового развития. Исследованиями глобализации отмечается важность отличать глобализацию от других направлений существования и эволюции человечества (Чешков, 2005б, с. 151). В этом смысле целесообразно в качестве главного, центрального, держать *понятие целостности*, в отличие от *понятия целого*: «...Тем самым глобалистика получает свой объект и выглядит знанием об этом специфическом предмете, а не знанием обо всем» (Чешков, 2005а, с. 171).

Пятый вариант

Пятое понимание *глобальной психологии* исходит из тех работ, в которых старым, известным смыслам приписываются новые термины и названия. В этом варианте под глобальной психологией понимается *мировая психология*, в которой речь идет о состоянии и исследовании и характеристиках разных психологических сообществ, состоянии образования, а также различных психологических практиках

¹ Соединения и разделения, общности и различия. — Прим. авт.

в масштабах мира (Юревич, 2008; Кашникова, 2016). Таким образом, если раньше в отношении этих работ использовался термин *мировая психология*, описывающая состояние психологии в мире, то теперь его заменил другой — *глобальная психология*, при этом термин *глобальность* используется как метафора, усиливающая термины *мировое, всемирное*. Эта версия понимания глобальной психологии также может оказаться жизнеспособной, если в перспективе в ней произойдет не только переход к новым терминам, но и к новым смыслам, которые смогут включать действительно глобальные феномены, а в анализе этих феноменов станет возможен переход к методологии, хотя бы близко стоящей к принятой в глобалистике. Однако в этом случае так понимаемая глобальная психология, скорее всего, «согнется» с вышерассмотренными вариантами ее трактовки.

Шестой вариант

В шестом и заключительном в нашем анализе понимании *глобальной психологии* она определяется «как новый этап в развитии психологической науки, порожденный новыми реальностями мира. Для которых уже не годятся старые теории... как состояние бифуркации, как дивергентное развитие новых и переосмысления старых психологических теорий в попытках дать объяснение новым эмпирическим реалиям и фактам, порождаемым эрой глобальных изменений». По мнению исследователей, новая эмпирическая реальность является двигателем развития психологии; возникая, она стимулирует формирование новых психологических направлений, в которых на смену статическому представлению о человеке с неизменными природными качествами приходит понимание, что и предмет, и объект психологии, а также и организация исследований и самого исследовательского сообщества могут меняться (Журавлев и др., 2018, с. 61—62). Отмечается, что помимо интегративных процессов в понимании человека начинают учитываться и процессы дифференциации; в такой *глобальной психологии* переосмыслиется и меняется «вес» общепринятых классических подходов, которые становятся частным и конкретным знанием по той или иной проблеме, а сама психологическая наука развивается как многополюсное образование с различными центрами (Журавлев и др., 2018, с. 63).

Такой вариант довольно близок к описанному выше пятому варианту. Принципиальным отличием является то, что в нем уже к данно-

му периоду учитываются *единство* процессов интеракции и дифференциации, а также подчеркиваются черты, типичные для глобализации информационного типа, т. е. современного: *сетевая организация* научного сообщества, децентрализованность научных центров, замена теоретического и методологического *мейнстрима* на «*толстые*».

Заключение

Таким образом, если вернуться к поставленной в начале статьи задаче — выделить главные признаки основных вариантов понимания глобальной психологии, а также сходства и различия в научных подходах, то можно сказать, что описанная выше шестая версия глобальной психологии дает возможность увидеть их еще раз и сделать вывод, что современную глобальную психологию характеризуют следующие черты:

- особый тип организации исследовательского сообщества (сетевой, неиерархический, полицентричный), по возможности — декоммерциализированный (хотя бы с отсутствием явных рыночных приоритетов);
- научные представления о человеке как динамичном, балансирующем в своих психологических границах для решения жизненных задач включенности и сохранением автономности;
- нетривиальный подход к основным предмету и объекту психологических исследований, которые могут изменяться в соответствии с изменениями условий жизни человека (социальной реальности);
- ориентация на междисциплинарность с одновременным намерением занять собственную уникальную нишу в конгломерате наук, решающих актуальные вопросы современного этапа глобального развития информационного типа;
- высокая степень неравномерности проявления интереса (по регионам мира) к глобальным проблемам, свидетельствующая о начальном этапе развития глобальной психологии.

Литература

Балышев А. В., Коннов В. И. Глобальная наука и национальная научная культура: тонкости сопряжения // *Международные процессы*. Т. 14. № 3. С. 96—111.

Емельянова Т. П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3—22. URL: <http://soc-ecomp-psyhology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).

Журавлев А. Л. Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VI Международного симпозиума. М., 2007. С. 37—39.

Журавлев А. Л., Юревич А. В., Мироненко И. А. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58—71.

Кашникова Ю. Психология деловых отношений в международном сотрудничестве // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2016. № 13. С. 158—161.

Ковалева Ю. В. Геополитические отношения: психологический аспект // Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности: Сборник научных трудов, посвященный 125-летию со дня рождения В. Н. Мясищева. Владимир—М.: Изд-во ВлГУ. 2018. С. 116—123.

Кочешир М. Н. Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций // Форсайт. 2012. Т. 6. № 1. С. 38—59.

Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Несник Т. А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 2. № 4 (8). С. 145—185. URL: <http://soc-ecomp-psyhology.ru/cntr/bloks/dor-menu/archive/g17k42-4/s17-4-07.html> (дата обращения: 20.02.2018).

Несник Т. А., Солодкова Г. У. Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 91—118. URL: <http://soc-ecomp-psyhology.ru/engine/documents/document316.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Кирова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.

Соснин В. А., Ковалева Ю. В. Распространение радикального ислама как глобальная угроза современности: геополитические тенденции и социально-психологические аспекты проблемы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 2. № 2. С. 116–151. URL: <http://soc-ecoom-psychology.ru/engine/documents/document350.pdf> (дата обращения: 04.08.2017).

Тугайбева Б. Н. Гендерные идентичности в периоды кардинальных изменений общества // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 357–366.

Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Чешков М. А. Глобалистика на пути становления: возможность прорыва // Безопасность Евразии. Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. 2004. № 2. С. 181–187.

Чешков М. А. Глобальные проблемы, глобализация и глобалистика // Международные процессы. 2005а. Т. 3. № 9. С. 170–174.

Чешков М. А. Глобалистика как научное знание: очерки теории и кадеторального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005б.

Юревич А. В. Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 5–14.

Towards to global psychology: Theoty, Research, Intervention and Pedagogy / Ed. by M. J. Stevens, U. P. Gielen. Malviah, N. J. – L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2007.

Ориентация будущих STEM-специалистов на социально-профессиональные навыки в условиях перехода к цифровой экономике

П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева

Цифровая экономика как территория роста прикладной психологии

По мнению аналитиков, технологический прогресс в ближайшие годы коренным образом отразится на состоянии 26 млн рабочих мест: 6 млн из них пропадут в принципе, а к другим 20 млн будут предъявляться совершенно новые требования (Рудых, 2017). В настоящее время в России разворачивается сложный транзитивный процесс с выработкой новой стратегии социально-экономического развития, ориентированной на развитие цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, с целью повышения конкурентоспособности страны и качества жизни граждан (Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р).

Одним из приоритетных направлений развития науки, технологий, техники и экономики в Российской Федерации являются информационно-телекоммуникационные системы. Руководство страны ставит задачи по развитию IT-отрасли, которая должна стать драйвером цифровой экономики и способствовать росту производительности труда во всех сферах деятельности. В этой связи крайне важно создать условия для развития соответствующего кадрового потенциала. «У нас должно появиться больше выпускников университетов, которые обладают базовыми компетенциями цифровой экономики. Больше выпускать IT-специалистов и больше тех, кто уверенно пользуется этими технологиями. Важно, чтобы у людей появилась мотивация осваивать новые направления, которые востребованы цифровой экономикой. К этому нужно привлекать и ра-